

Светлана Мезенцева

ПУТЕШЕСТВИЕ
В АИД:
ОБРАЗЫ
ЗАГРОБНОГО МИРА
В АНТИЧНОМ
ИСКУССТВЕ

ХИМЕРА
исследовательский
проект

Издательство АСТ

УДК 94(3)
ББК 63.3
М44

В оформлении издания использована фотография
фрагмента сосуда из Апулии ок. 350–325 годов до н. э.,
Музей Аларда Пирсона, Амстердам.

Дизайн серии
Анастасии Барановой

Мезенцева, Светлана Александровна
М44 Путешествие в Аид: образы загробного мира в античном искусстве / Светлана Мезенцева. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 240 с. — (Искусство с «Химерой»).

ISBN 978-5-17-190086-1

Перед читателем научно-популярная книга, посвященная исследованию представлений античного общества о загробном мире. Автор прослеживает развитие эсхатологических концепций от гомеровского времени до поздней античности, опираясь на литературное и визуальное наследие Древней Греции и Древнего Рима. Особое внимание уделяется тем редким памятникам греческой монументальной живописи, южноиталийской вазописи и римской пластики, которые наиболее подробно и целостно изображали мир теней, называемый Аидом или Орком. Читатель сможет, не подвергая опасности собственную жизнь, пройти путь легендарных героев древнего эпоса Одиссея и Энея и увидеть царство мертвых изнутри, а также узнать, какими были погребальные обряды древних греков и римлян, какие места на земле они считали порталами в мир теней и какие из мифов легли в основу их представлений о жизни после смерти.

**УДК 94(3)
ББК 63.3**

ISBN 978-5-17-190086-1

© Мезенцева С.А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

ВВЕДЕНИЕ

Близ Океана глубокопучинного судно оставив,
Сам ты к затхлому царству Аидову шаг свой направишь.

Гомер. Одиссея. Песнь X 511–512; пер. В. В. Вересаева

По счастью, древние авторы сохранили для потомков множество разнообразных сведений о загробном мире и его обитателях. Упоминания об Аиде мы находим в первых же строках самого древнего эпического произведения греков — «Илиады», написанной, вероятно, в VIII веке до н. э.:

«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеенам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам...»

(Ном. II. I 1–4; пер. Н. И. Гнедича)

«Илиада» Гомера — это только начало. Мы располагаем внушительным корпусом текстов от древнейших греческих поэм до трудов римских философов. Однако важно помнить, что многие изложенные в них идеи были доступны пониманию лишь образованной части общества. Будучи зафиксированы в письменном виде, они дожили до наших времен, в отличие от представлений, господствовавших в народной среде, и мы работаем с тем, что имеем. Это касается и памятников изобразительного искусства — поскольку создание выдающихся произведений требовало значительных финансовых затрат, заказчиками и покупателями обычно выступали представители социальной элиты.

В рамках выбранной темы с визуальными образами дела обстоят менее благополучно, чем с литературными. Существует немало изображений отдельных обитателей и «посетителей» потустороннего мира, самые ранние из которых датируются VI веком до н. э.¹ Однако развернутые композиции со множеством героев мы сегодня можем увидеть только на апулийских сосудах IV века до н. э. Апулия — один из интереснейших регионов античного мира, расположенный на юго-востоке Апеннинского полуострова и населенный разнообразными италийскими племенами. В ходе колонизации VIII–VI веков

---

¹ Относительно интерпретации ряда более древних изображений, которые могут представлять сцены из загробного мира, среди исследователей идут споры.

до н. э. греки основали в этом регионе ряд поселений, и на основе завезенной ими художественной традиции в Апулии сформировались собственные «школы» в разных видах искусства. Сюда активно ввозили произведения мастеров Аттики, центральной области материковой Греции, в первую очередь расписную керамику. Более того, сами вазописцы переезжали в итальянские колонии и обзаводились кругом учеников, выполняя заказы местной элиты. Соответственно, памятники, созданные в апулийских мастерских, представляют региональный вариант культуры Эллады.

На территории материковой Греции единственным примером многофигурной композиции с обитателями царства Аида стала картина «Некия» («Загробный мир») прославленного живописца Полигнота. Она украшала здание лесхи книдян² в Дельфах в середине V века до н. э., и, к сожалению, не сохранилась. По всей видимости, она также никогда не копировалась буквально, поэтому представить ее можно лишь очень отдаленно по текстовым описаниям.

В римском искусстве образы различных персонажей, связанных с миром теней, тоже довольно редко соединялись в одном памятнике. По крайней мере, до нас дошли буквально две-три стенные росписи I века до н. э. и несколько мраморных саркофагов II века н. э.

---

² Место для собраний, построенное на средства жителей города Книд в Малой Азии, на территории современной Турции.

Особняком стоят памятники этрусского изобразительного искусства. Этруски активно использовали образность и мотивы греческой визуальной культуры, однако интерпретация их художественного наследия по сей день остается весьма непростой задачей. Из-за утраты этрусской литературной традиции, объясняющей особенности мировоззрения этого народа, мы далеко не всегда можем с уверенностью судить о месте тех или иных персонажей в системе представлений этрусков о загробном мире. Подобная тема требует отдельного исследования, и поэтому в настоящей книге произведения этрусского искусства не рассматриваются.

К анализу уникальных описанных выше многофигурных композиций мы будем подходить постепенно и сначала по отдельности рассмотрим изображения всех обитателей Аида, которых античные мастера в принципе запечатлели в своих произведениях. Так по кусочкам, подобно мозаике, мы попытаемся собрать целостный образ загробного мира и жизни после смерти, сложившийся в искусстве Древней Греции и Древнего Рима.

Однако прежде чем обратиться к изобразительным памятникам, нам необходимо составить представление о культурном контексте, в котором они создавались.

ГЛАВА 1

ЧТО ГРЕКИ И РИМЛЯНЕ ДУМАЛИ О СМЕРТИ И КАК ГОТОВИЛИСЬ К НЕЙ?

В самом деле, если прибудешь в Аид...
и найдешь там судей настоящих...
и всех тех полубогов, которые в своей
жизни отличались справедливостью, — разве это будет плохое переселение? А чего бы не дал всякий
из вас за то, чтобы быть с Орфеем,
Мусеем, Гесиодом, Гомером!
Платон. Апология Сократа 41;
пер. М. С. Соловьева

Представления о смерти и погребальные обряды, бытовавшие среди населения Эллады, были весьма разнообразны. Причиной тому стали особенности исторического развития этих территорий, а именно возникновение более тысячи самостоятельных полисов вместо единой крупной державы и многочисленные контакты с другими народами. И хотя мы и не можем говорить о существовании одной-единственной концепции

загробной жизни, некоторые идеи все же получили широкое распространение среди греков и даже были заимствованы римлянами. Об этих представлениях и пойдет речь далее, поскольку именно они стали той почвой, из которой произросли интересующие нас образы загробного мира в античном искусстве.

Отношение к смерти во многом определяет поведение людей при жизни, диктуя моральные нормы и формируя «список» того, что нужно успеть за свой короткий век. Мысль о конечности человеческого существования породила главное противопоставление в античной литературе: бессильные перед смертью люди и вечно живущие боги. Это различие отразилось в текстах древних авторов на уровне языка — люди и боги повсеместно называются «смертными» (θνητοί) и «бессмертными» (ἀθάνατοι):

Так Алкиною в ответ сказал Одиссей многоумный:

«Прочь отгони эту мысль, Алкиной! Я и видом и ростом
Не на бессмертных богов, обладающих небом широким,
А на обычных людей похожу, рожденных для смерти.»

(Hom. Od. VII 207–210; пер. В. В. Вересаева)

Причем смерть греки представляли не безликой силой, а божеством по имени Танатос (Θάνατος), что буквально переводится как «смерть». У него есть брат-близнец — бог сна Гипнос (Ύπνος), чье имя, соответственно,

означает «сон»³, а их матерью считалась богиня ночи Нюкс, или Нюкта (Νύξ, Νυκτός)⁴. Близость сна и смерти породила множество устойчивых метафор в литературе: например, у Гомера мы встречаем выражения «заснуть медным сном» и «рука смерти сомкнула очи и ноздри»⁵, а в орфическом⁶ гимне Танатосу возникает образ вечного сна:

Узы, природой сплетенные прочно, лишь ты разрешаешь,
Сон насылая великий, вседолгий, что вечность продлится,
Общий для всех, но к иным он приходит порой
не как должно,
Слишком поспешно, и юную жизнь прерывает в расцвете.
Все обретает в тебе предел, предназначенный свыше,
Только тебя одного не упросишь и ничем не умолишь...
(Орфический гимн Танатосу LXXXVII; пер. О. В. Смыки)

У Танатоса и Гипноса были сестры Керы и Мойры⁷. Κήρ переводится как «злая смерть», «гибель» или «несчастье»; эти сущности ассоциировались именно с насильственной смертью и роковым концом⁸. Поэт VIII–

---

³ Hom. Il. XIV 231–233.

⁴ Hes. Theog. 212.

⁵ Hom. Il. XI 240–241; Hom. Il. XVI 502–503.

⁶ Орфизм — мистический культ в Древней Греции; подробнее о нем будет сказано далее.

⁷ Hes. Theog. 211–212, 217.

⁸ Hom. Od. III 242; Hom. Il. XVIII 535–540; Hes. Theog. 217.

VII веков до н. э. Гесиод представил их страшными кровососущими монстрами, которые охотятся за свежими трупами:

С лязгом белые зубы сводили черные Керы,
Ликом ужасны они, кровавы, грозны, неприступны,
Распрю за павших вели и все порывались гурьбою
Черной крови испить: лишь только которая схватит
Труп ли, со свежей ли павшего раной, стремится окружно
Когти вонзить огромные, душу ж низринуть к Аиду
В Тартар холодный. Когда же сердце свое насыщают
Кровью людскою они, то долу бросают немедля
И устремляются вновь туда, где грохот и схватка.

(Hes. Sc. 249–257; пер. О. П. Цыбенко)

Мойры, или Мэры, — богини судьбы. Моїра может переводиться как «удел», «судьба», «рок» или «жребий», а Гомер использовал это слово в единственном числе для обозначения могучей силы, которая вместе с «багровой смертью» (порφύρεος θάνατος) «смежает очи» людей⁹. По Гесиоду, Мойр всего три — Клото, Лахесис и Атропос, и они еще при рождении определяют жребий каждого из смертных¹⁰. Это отражено в их именах: Κλωθώ образовано от глагола «прясть», Λάχεσις — от существительного «судьба», «рок», Ἀτροπος — от

---

⁹ Hom. Il. V 83, XVI 334.

¹⁰ Hes. Theog. 904–905.

прилагательного «необратимый», «непреклонный». Изначально ассоциация судьбы с прядением нити была заложена в имени лишь одной из Мойр, но позже всех троих стали представлять непрестанно крутящими веретена. По версии Платона, Лахесис воспекает прошлое, Клото — настоящее, Атропос — будущее¹¹, и все вместе они вращают веретено, которое являет собой мировую ось¹². Оно располагается между колен Ананке, олицетворяющей необходимость и неизбежность¹³.

В римской мифологии была своя персонификация смерти — Морс (Mors), однако ее, в отличие от Танатоса, нельзя назвать самостоятельным божеством. Нам ничего не известно о происхождении Морс и ее взаимодействии с другими мифическими персонажами. Даже классическое соотнесение смерти со сном в текстах римских авторов встречается нечасто¹⁴. Они описывали смерть как бледную (*pallida*), жестокую (*saeva*) и ненасытную (*avida*) сущность, которая стучится во все двери, не делая различий между людьми¹⁵. Для трагической смерти в сражении или от рук убийцы существовала отдельная персонификация — Летум, или Летус (*Letum, Letus*). Злые духи, связанные с миром мертвых,

---

¹¹ Pl. Resp. 617c.

¹² Pl. Resp. 616b-d.

¹³ По версии Платона, именно она была матерью Мойр.

¹⁴ Verg. Aen. VI 278; Lucr. DRN III 919 и др.

¹⁵ Hor. Carm. I 4.13-14; Luc BC III 605; Auson. Technop. III 4.

назывались Ларвами (Larvae) или Лемурами (Lemures), однако с уверенностью сообщить о них что-то большее довольно трудно. У самих римских авторов не было единого мнения относительно различий между этими существами, что вкупе с неясной этимологией затрудняет определение природы Ларвов и Лемуров для современных исследователей¹⁶. По наиболее распространенной версии, Ларвы считались просто враждебными человеку духами, а Лемуры — духами предков, которые возвращаются на землю в определенные дни, чтобы посетить свои жилища¹⁷. Злонамеренность Лемуров объясняли тем, что это духи или преждевременно умерших, или тех, кто был убит¹⁸. Чем люди обидели Ларвов, сказать сложнее. Возможно, быть недоброжелательными — это их немотивированная функция, помогающая сохранять баланс сил во Вселенной. Неслучайно в паре текстов они представлены служителями Дита, которые наблюдают за страданиями душ в Орке или даже пытаются их¹⁹. Однако эти рассуждения актуальны только для эпохи Республики, ведь позднее Ларвы и Лемуры постепенно слились в общественном сознании и стали

---

¹⁶ Thaniel G. Lemures and Larvae // The American Journal of Philology. — 1973. — Vol. 94. — No. 2. — P. 182–183.

¹⁷ Dumézil G. Archaic Roman Religion: [в 2 т.] / G. Dumézil ; [пер. с фр.]. — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. — Vol. 1. — P. 367–368.

¹⁸ Cumont F. Lux Perpetua. — Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1949. — P. 83; Thaniel G. Op. cit. P. 183.

¹⁹ Thaniel G. Op. cit. P. 186–187.

взаимозаменяемыми. Добрые духи предков тоже существовали: их называли Манами и считали божествами — покровителями рода; даже обращение к ним начиналось со слова «боги» и звучало как *Dii Manes*²⁰. Обожествление предков и поклонение им в рамках публичного культа было аутентичной римской традицией, никак не связанной с греческим миром. Можно даже сказать, что почитание Манов стало одной из основ римской идентичности. А вот богини судьбы Парки (*Parcae*) «списаны» с греческих Мойр. Они тоже считались сущностями, стоящими у самых основ мироздания, так что даже никому из старших божеств не под силу «железных разбить приговоров сестер вековых»²¹. При этом Парки получили в Риме другие имена: Нона, Децима и Морта (*Nona, Decima, Morta*). Изначально это были эпитеты богини рождения Луцины, но потом так стали называть богинь, отождествляемых с Мойрами²².

Обратимся теперь к представлениям греков и римлян о душе. Ведь именно от того, считает человек душу смертной или бессмертной, во многом зависит его отношение к концу земного существования.

Греки полагали, что после смерти душа покидает тело, вылетая через рот или «вытекая» через рану

---

²⁰ Thaniel G. *Op. cit.* P. 183.

²¹ *Ov. Met.* XV 780–781; пер. С. В. Шервинского.

²² *Plut. Vit. Rom.* XXI; *Aul. Gel.* III 16.